

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПЕРИОД

После Ялты: трения внутри коалиции из-за расширения Советским Союзом сферы своего влияния

После Ялты: ослабление коалиции после победы в войне

Совместные наступления в Германии, намеченные в Ялте, шли с сокрушительной мощью. Ко второй половине марта все немецкие войска к западу от Рейна были разбиты, кроме сил, сгруппированных южнее Мозеля. Сначала, при неожиданном везении, в Ремагене, а затем и на всей протяженности Рейна американские дивизии форсировали реку. Несколько сотен тысяч немецких солдат сдались в плен. Немецкие бронетанковые дивизии потеряли значительную часть своего состава и остались без боеприпасов. Немецкая авиация едва могла держать оборону, не говоря уже о наступательных операциях. Из-за прерванных путей прекратилось снабжение нефтью и армия осталась без горючего. Транспорт внутри разрушенной страны не действовал.

Передовые части армии в миллион человек под командованием генерала Монтомгери 23 марта начали свой основной бросок севернее Рура и через Рейн. В результате этого наступления они должны были прорваться через Северную Германию к Любеку. Пока эта армия продвигалась вперед, американские дивизии (1-я армия Брэдли) стремительно подходили к Руру с юга, и к концу марта этот регион и защищавшие его 300 000 немецких частей были окружены. Хотя еще кое-где предстояли тяжелые бои местного значения, Западного фронта Германии фактически не стало.

На Восточном фронте советские войска остановились вдоль Одера примерно в тридцати пяти милях от Берлина и ждали благоприятной погоды и подкрепления, чтобы начать финальное наступление. На других участках фронта Красная армия вела бои местного значения. Немцы сосредоточили десять бронетанковых дивизий северовосточнее озера Балатон в Венгрии, и они были разгромлены. Они сконцентрировали свою оборону в районе Братиславы, но и та продержалась недолго. У них еще было шестнадцать дивизий в Латвии, но их было невозможно перебросить вместе с артиллерией. Балтийское побережье на востоке было очищено, а Данциг взят к концу марта. Когда Гарриман 31-го числа спросил Сталина, считает ли тот, что Красная армия теперь может снизить темп, Сталин ответил, что перспективы для наступления сейчас лучше, чем он ожидал, потому что половодье в этом году настало рано и теперь дороги подсыхают. Маршал добавил, что, по его мнению, немцы, вероятно, сосредоточат свои последние силы в горах Западной Чехословакии и Баварии.

Американские наблюдатели заметили, что во время этого триумфального шествия Красной армии советская пресса уделяла мало места и внимания действиям союзников на Западном фронте, если не считать привычных сообщений ТАСС на последних страницах, резюмирующих ежедневные коммюнике штаба Верховного Командования. Рядовых советских граждан не извещали о том, какие операции проводятся на западе, и они были бы удивлены, если бы узнали, что ущерб, нанесенный западными силами, сравним с действиями Красной армии.

Хотя в Ялте Сталин одобрил практику консультаций между советскими и союзными военными штабами, проводимых через американские и британские военные миссии в Москве, это не наладило легких контактов между ними. Советские военные власти продолжали медлить с ответами на требования или предложения о сотрудничестве, а когда отвечали, то обычно уклончиво или отрицательно. Сталин и его военачальники, похоже, были довольны планами кампании, составленными в Ялте, и согласованными и бесконфликтными действиями союзников на востоке и западе. Они не проявили никакого интереса к принятию заранее подготовленного решения о дальнейшем продвижении советских и западных войск и месте их встречи. Как обычно, когда у них не было жалоб,

они предоставили решить это Западу.

Хотя победа приближалась, разногласия между западными союзниками и Советским Союзом по многим важным вопросам и аспектам будущего Европы становились все острее. Например, по судьбе послевоенной Германии; по зонам оккупации в Австрии; составу правительства Польши и очертаниям ее будущих границ; доле, предоставленной Соединенным Штатам и Великобритании в контроле над Венгрией, Румынией и Болгарией.

Переговоры по многим из этих вопросов становились все более острыми. Прилив доверия, нахлынувший на участников конференции в Ялте, быстро отступал. Сталин стал сомневаться, правильно ли американцы и британцы ведут войну, и пришел в негодование от их попыток сохранять свое влияние во всех регионах вблизи советских границ. Западным союзникам казалось, что под влиянием чар победы русские становятся безразличными к обещаниям, данным в трудные времена.

Американское и британское правительства признавали, что решимость Советского Союза не допустить в странах, расположенных вблизи его границ, прихода к власти враждебных элементов не лишена справедливого основания. Такая предосторожность до некоторой степени оправдывалась необходимостью защитить советские оккупационные силы. Американские и британские власти с такой же тревогой наблюдали за политическими переменами в освобожденных странах Запада – Италии, Греции, Франции и Бельгии. Неточное определение принципа свободы выбора зашло в тупик. Американцы и британцы соглашались, что советские руководители имеют историческое право препятствовать образованию в соседних странах правительств, тяготеющих к западным ценностям. Со своей стороны, в СССР, похоже, понимали, что британское и американское правительства должны препятствовать приходу к власти коммунистических элементов в освобожденных странах близ Атлантики.

Но при имевшемся широком политическом выборе американцы и британцы надеялись, что советские власти так же охотно, как и они, будут уважать право народов выбирать правительство, при котором им жить, как провозглашено в Атлантической хартии и подтверждено в Декларации об освобожденной Европе. Это было результатом концепции, согласно которой три великих союзника должны остаться сплоченными и не испытывать страха друг перед другом.

Но действия Советского Союза свидетельствовали о нежелании признавать результаты демократической политической борьбы и неудержимом желании сделать так, чтобы всей Центральной и Восточной Европой управляли ее зависимые сторонники. На достижение этой цели не влияли ни сотрудничество в войне, ни воззвания к принципам. Не влиял на нее и образ мира, обозначившийся в Сан-Франциско, в котором все страны будут крепко сплочены для защиты друг друга и поддержания мира. Советский Союз хотел пространства, народов-сателлитов и армий, а также дополнительных экономических ресурсов и благоприятного момента для распространения коммунистической идеологии.

Американское правительство было обеспокоено признаками этой экспансии и духом недоверия между союзниками. Ведь мысли и чувства американского народа были радостно сосредоточены на приближающейся победе, быстрой переброске наших войск к Тихому океану и возвращении солдат домой. Британское правительство, лучше помнящее ситуацию в Европе, было меньше удивлено, но еще больше озабочено. Черчилль, который после Ялты считал, что тревожиться больше не о чем, начал теперь испытывать «глубокое уныние». Это уныние становилось все сильнее от невозможности убедить американское правительство, что, по его словам, «Советская Россия стала представлять смертельную опасность для свободного мира» и поэтому необходимо создать новый военный фронт, препятствующий дальнейшему распространению ее влияния. О своем настроении в эти дни марта и апреля, когда нацистская Германия агонизировала, он рассказал позже. «Поэтому кульминация, по-видимому, безмерного успеха была для меня самым

несчастливым временем. Я вращался среди веселящихся людей или сидел за столом, осыпаясь поздравлениями и благословениями всех участников великого альянса, испытывая сердечную боль и дурные предчувствия», – писал он в книге «Триумф и трагедия».

Распространение советского влияния в Восточной Европе

Через две недели после Ялтинской конференции в Румынии разразился серьезный правительственный кризис. Непрочный коалиционный кабинет Радеску был прекрасной мишенью для нападков оппозиции; в его местных отделениях еще затаились бывшие сторонники немцев. В феврале американский член Контрольной комиссии генерал Кортландт Шуайлер предупредил Вашингтон, что советское правительство не намерено мириться с этим коалиционным правительством. Советские представители в Румынии собирали репарации, не заботясь о последствиях. Они ускоряли преобразования в румынских войсках местной обороны. Натиск местных коммунистических и связанных с коммунистами групп становился необузданным и решительным. Советский председатель Контрольной комиссии командовал румынским правительством от имени комиссии, не советуясь ни с американским, ни с британским представителями.

Беспорядки в Бухаресте 24 февраля вылились в массовую забастовку, подавленную артиллерийским огнем. Вечером этого дня премьер-министр Румынии в своем выступлении по радио заявил, что горстка коммунистов путем террора пыталась захватить власть. Советский член Контрольной комиссии строго отчитал его за эту речь. На следующий день, 25 февраля, коммунистическая пресса заговорила о кровавых убийствах и призвала к демонстрациям и наказанию виновных. Кое-кто из коммунистических членов коалиционного правительства направил послание королю, требуя немедленной отставки правительства, возглавляемого «палачом» Радеску. Бертон Берри, политический представитель Соединенных Штатов в Бухаресте, докладывал, что «...особо ревностные члены коммунистической партии ужесточают свои требования, искажают факты и добиваются перемены сфер ответственности по мере того, как популярность правительства в народе возрастает».

Британский и американский члены Контрольной комиссии настаивали на встрече. Советский председатель отказался созвать комиссию. Согласно полученным указаниям, 24 февраля британский посол в Москве, а через два дня и американский направили Молотову протесты против методов управления Контрольной комиссией и давления, оказываемого на правительство Радеску. В этой и более поздних попытках заставить советское правительство поддерживать спокойствие в Румынии до проведения выборов Черчилль, как он говорил, чувствовал себя скованным. Он писал в мемуарах: «Мы не можем протестовать, потому что Идеи и я во время нашего октябрьского визита в Москву признали, что Россия должна иметь преобладающее влияние в Румынии и Болгарии, а мы – в Греции. Сталин очень строго придерживается этого договора... Теперь мир восстановлен [в Греции], и, хотя нам предстоит еще немало трудностей, я надеялся, что через несколько месяцев нам удастся провести свободные, беспрепятственные выборы... а потом неоспоримой волей греческого народа будет принята конституция и создано правительство. Теперь Сталин изменил свою позицию... Но если бы я слишком сильно надавил на него, он бы, возможно, ответил: „Я не вмешивался в ваши действия в Греции; почему же вы ограничиваете мою свободу в Румынии?“ Затем пошли бы сравнения между его и нашими целями. Ни одной стороне не удалось бы убедить другую. Учитывая мои личные отношения со Сталиным, я был уверен, что затевать подобный спор было бы ошибкой».

В письме Гарримана Молотову, посланном 26 февраля, говорилось, что американское правительство заинтересовано в том, чтобы политическая обстановка в Румынии вернулась в спокойное русло в соответствии с Декларацией об освобожденной

Европе; если же этого не произойдет, ситуация сложится так, что потребуются консультации между тремя правительствами, как предусмотрено в этой декларации. Когда в тот же день Гарриман рассказал Вышинскому о неприязненном отношении американцев к происходящему, тот обвинил во всех неприятностях правительство Радеску, возглавляемое фашистскими элементами. Этот режим, сказал он, доказал свою неспособность поддерживать порядок, что очень важно, так как страна, не способная выполнять условия перемирия, находится в тылу Красной армии.

Вышинский на деле пытался «исправить» ситуацию, для чего 27 февраля прибыл в Бухарест, отправился во дворец и по бумажке зачитал королю обвинения Советского Союза в адрес правительства Радеску и попросил его немедленной отставки. Он предложил заменить его правительством, базирующимся на «истинно демократических силах страны». Король попросил разрешения подумать. На следующий день, 28 февраля, он сообщил Вышинскому, что консультируется с лидерами партий о кандидатуре нового премьер-министра. Вышинский дал ему два часа и пять минут на то, чтобы подобрать подходящего кандидата и сообщить о назначении. Когда министр иностранных дел Висояну, присутствовавший при этом, заметил, что король должен следовать конституционной практике, Вышинский велел ему «замолчать». Тогда тот резко покинул комнату, с шумом захлопнув за собой дверь.

Король поручил князю Стирби сформировать правительство. На следующий день в три часа дня Стирби доложил, что не может выполнить поручение, потому что коммунисты отказываются сотрудничать с новым правительством. Вышинский направил королю послание, в котором от имени Советского Союза предложил кандидатуру Петро Грозы, известного политика коммунистического толка. Король собрал на совет лидеров партий, мнения которых по поводу кандидатуры Грозы разделились. В тот же день в десять часов вечера Вышинский снова встретился с королем и настоятельно потребовал назначения Петро Грозы.

В последующие несколько дней король старался сформировать правительство, в котором большинство составляли бы представители политических партий некоммунистической ориентации, а власть Грозы была бы ограничена. Одновременно в Москве оба посла официально и настойчиво пытались достучаться до непробиваемого Молотова, но тот отклонял все их требования о проведении совещания в Консультационной комиссии на том основании, что Вышинский в Бухаресте уже провел разговор с американским и британским представителями.

События в Бухаресте достигли кризиса 5 и 6 марта. Король созвал кабинет министров и потребовал приложить все силы, чтобы выработать условия участия в коалиционном правительстве, премьер-министром которого будет Гроза. Королева-мать, присутствовавшая на совещании, напомнила присутствующим, что, хотя король Франции надел красный колпак, это не спасло его от эшафота. Лидеры двух основных, старейших партий (крестьянской и либеральной) согласились войти в это правительство, если их партиям будет предоставлена половина мест в кабинете. Гроза ответил, что его сторонники не согласятся с этим, но тем не менее упорно добивался разрешения короля сообщить народу о формировании правительства. Король согласился только дать сообщение, что правительство будет сформировано в течение дня 6 марта. В шесть часов вечера на улицах города появились объявления о создании правительства, возглавляемого Петро Грозой. Из семнадцати членов кабинета тринадцать были сторонниками Грозы. В семь часов вечера кабинет был приведен к присяге. Позже король принял Вышинского и маршала Малиновского, прибывших в Бухарест из полевого штаба.

На следующий день Молотов ответил на накопившиеся протесты Гарримана: «...полагаю, что вопрос, поднятый в вашем письме, утратил актуальность. Правительственный кризис в Румынии, вызванный террористической политикой Радеску, несовместимой с принципами демократии, преодолен с помощью создания нового правительства». На самом деле легче было найти причины, по которым Радеску и его

сторонники были отстранены от власти, чем причины, по которым Гроза был назначен руководителем Румынией.

Советское правительство тотчас же поспешило укрепить режим Грозы, совершив поступок, от которого отказывалось раньше. Оно сообщило, что в соответствии с соглашением о перемирии от 12 сентября 1944 года вернет Румынии северную провинцию Трансильвания. Американское правительство продолжало настаивать на консультациях по поводу политического положения в Румынии. Государственный департамент твердо заявлял, что правительство Грозы, находящееся под влиянием Национального демократического фронта, является правительством меньшинства, в котором не представлены все демократические силы страны. Молотов не реагировал на эти протесты и не скупился на откровения, которые мы не будем повторять.

Забегая вперед, скажем, что американское и британское правительства считали целесообразным присутствие в Румынии своих представителей, но признавать новое правительство отказались. Это стало серьезной помехой на пути разработки мирного договора с Румынией и причиной затяжного конфликта между союзниками.

События в Румынии в той или иной мере перекликались с тем, что происходило в Болгарии и назревало в Венгрии, но все затмевал серьезный вопрос – кому руководить Польшей?

В Болгарии коалиционное правительство Народного фронта пользовалось популярностью, как свергнувшее жестокий режим, бросивший страну под пяту Германии. Огромная часть его сторонников была крестьянами, но реальной властью обладали коммунистические лидеры, тесно связанные с Москвой.

Американское и британское правительства изо всех сил старались уговорить болгар проводить выборы по западному, а не по советскому образцу, чтобы избранное правительство было «ответственным перед волей народа». С этой целью они предложили советскому правительству договориться о правилах, которые надлежит соблюдать во время выборов, и о совместном наблюдении за выполнением этих правил болгарским правительством. Молотов с негодованием отверг это предложение, сказав, что не видит повода для постороннего вмешательства. Проявление недоверия, добавил он, тем более оскорбительно, что болгарские войска вместе с Красной армией борются с общим врагом.

Контрольной комиссией заправлял советский председатель. Американские и британские представители обычно узнавали обо всем постфактум. Им не оставалось ничего, как ждать конца войны, чтобы требовать равного участия в выработке политики и контроле исполнения условий перемирия.

В большей части Венгрии еще шли бои, и преобладающее значение имели военные нужды и цели.

Союзная контрольная комиссия была учреждена без проблем. Были назначены американский и британский политические представители. Маршал Ворошилов, являвшийся одновременно и советским командующим, и председателем Контрольной комиссии, очень дружелюбно относился к обеим группам. По простоте душевной он часто не придерживался законодательных политических актов (принятых 20 января), которые, согласно американскому соглашению, гарантировали, что американский и британский представители должны быть информированы о политических директивах прежде, чем они станут известны венгерскому правительству, а также получать копии важных документов. Протесты не принимались во внимание. Американское и британское правительства были вынуждены ждать окончания войны с Германией, чтобы дальше настаивать на равном положении в комиссии и ограничении ее власти.

Советское правительство терпело и в некотором смысле поддерживало коалиционное правительство Миклоша, в котором видную роль играли коммунисты. Оно сдерживало деятельность местных коммунистов и предупреждало, что не допустит

политической конкуренции, но всячески стремилось уточнить сумму репараций, полагающуюся по условиям перемирия, и настаивало, чтобы Венгрия снабжала продовольствием русские войска не только в Венгрии, но и на других фронтах. Сначала оно противилось быстрой и решительной программе земельной реформы, но в конце марта потребовало провести ее, и правительство выпустило указ, сразу же вступивший в силу. Этим советское правительство хотело завоевать поддержку в уже освобожденных регионах, а возможно, привлечь к себе и тех венгерских солдат, которые еще боролись против Красной армии. Американский и британский наблюдатели считали вероятным, что коммунисты просто на время оставили в покое своих конкурентов, чтобы без лишнего шума вывезти из страны военные трофеи, отнять у фермеров продовольствие и взять под свой контроль средства массовой информации.

В этот же период было сформировано и официально введено в должность новое правительство Чехословакии. Президент Бенеш вместе с ведущими членами лондонского правительства в изгнании во второй половине марта приехали в Москву. Там они вместе со Словацким национальным советом и чешскими коммунистическими лидерами выработали основу реорганизации правительства.

Бенеш не был полностью удовлетворен результатом. «Могло быть и хуже», – заметил он Гарриману. Его вынудили предоставить коммунистам и их сторонникам большее число постов в правительстве, чем он ожидал. Из двадцати пяти министерств семь должны были возглавляться коммунистами. Фирлингер, чешский посол в Москве, тесно сотрудничавший с советскими властями, должен был стать премьер-министром. Бенеш полагал, что работать с ним будет трудно, так как он был профессиональным дипломатом, без политических пристрастий. Он также считал, что, поскольку коммунисты и более радикальные социалисты (сам он был умеренным социалистом) окажутся в меньшинстве, их можно будет контролировать.

Если верить Бенешу, ни Сталин, ни Молотов, которые в это время любыми усилиями старались сорвать истинно представительную встречу поляков, не вмешивались в создание коалиции или выбор кандидатур. Более того, во время своего второго визита в Москву он вновь заручился их обещанием не вмешиваться в общественную систему и политические дела Чехословакии. На обеде, данном Бенешем, Сталин предложил два тоста. В первом он отрекся от какой-либо идеи панславизма. Во втором упомянул о подозрениях, что Советский Союз стремится к большевизации Европы. «Вы вполне оправданно разделяли это мнение, – сказал он, повернувшись к Бенешу, – но это больше не соответствует истине, потому что Советский Союз переориентировал свою политику. Различные коммунистические партии станут националистическими партиями, занятыми интересами своих стран». В частной беседе с Бенешем он зашел еще дальше, сказав, что, поскольку чехословацкие политические лидеры пять лет прожили в Москве, он, Бенеш, должен расширить их кругозор, потому что, хотя они истинные патриоты, на глазах у них «шоры». Сталин также пообещал модернизировать чехословацкую армию в обмен на запасы, реквизированные русскими, обеспечить средства для запуска производства, вернуть дунайские суда и прочее. И вероятно, преследуя более важную цель, пообещал оказать помощь в депортации из Чехословакии примерно двух миллионов немцев и полумиллиона венгров – национальных меньшинств, которые способствовали гибели чехословацкого государства и несли ответственность за Мюнхенский сговор. Уладить ссору из-за Польши Бенеш не мог.

Бенеш и часть сопровождающих его официальных лиц из Москвы отправились во временную столицу Кошице. Там было провозглашено новое правительство, и ему было поручено взять в свои руки гражданскую власть в освобожденных районах страны. Но почти тотчас же появились признаки того, что коммунистические элементы не собираются мириться с подчиненной ролью. И все же Бенеш и его коллеги продолжали верить обещаниям, данным им в Москве. Они составили декларацию о внешней политике,

которой собирались следовать; она была просоветской и ориентированной на славян, но не отгораживалась от Запада.

Советские войска не оккупировали Финляндию, поскольку она была единственным членом Оси, расположенным к востоку от Германии. Хотя советское правительство неусыпно наблюдало за событиями в стране, финнам было разрешено без постоянного давления выработать собственный план политических перемен. Советский председатель Контрольной комиссии не пользовался властью, которой обладал согласно условиям перемирия, чтобы оказывать заметное предпочтение местным коммунистам или свергнуть консервативное правительство, пришедшее к власти после капитуляции.

Можно найти несколько причин этого умеренного курса. Финны показали, что они слишком крепкий народ, чтобы подчиниться; они не собирались быть чьими-то марионетками. Пока война продолжалась, а остатки немецкой армии еще находились на севере страны, требовалось стабильное правительство. Сохранялась необходимость в репарациях. Финны в основном удовлетворительно выполняли свои обязательства по условиям перемирия. Соглашения по территориальным вопросам были заключены беспрепятственно.

В марте 1945 года были проведены выборы, которые американское правительство назвало спокойными, организованными и полностью демократическими. Произошел значительный сдвиг влево, предвещавший широкие социальные и экономические перемены. Но по сравнению с тем, что наблюдалось в других странах, и Запад, и советское правительство признали результат удовлетворительным, символизирующим равновесие между различными политическими элементами Финляндии.

На фоне пестрой картины политического развития в разных странах финский пример являлся положительным. В надвигающемся мраке он вселял надежду, что, если набраться терпения, такое же примирение может наступить везде.

Непоправимые события в Польше

Именно при голосовании по польскому вопросу, не до конца решенному в Ялте, наиболее ясно проявились намерения Советского Союза. Ни одна из стран в то время не привлекала внимания дипломатов союзников больше, чем Польша. Кое-какие вопросы нашли свое отражение либо в отчетах, либо в письменных меморандумах, либо в устных высказываниях. Но так как одни и те же разногласия возникали вновь и вновь, а состояние вопроса оставалось прежним, приведем всю историю в виде резюме.

На Ялтинской конференции было решено, что в Москве Молотов с американским и британским послами разработают план реорганизации существующего временного правительства Польши. Они должны будут договориться о формировании такого правительства, которое признают все три союзных государства. Как только такое правительство будет сформировано, оно проведет свободные выборы, в которых примут участие все действующие партии, и определит постоянную политическую структуру. Однако возникал вопрос: как три этих дипломата будут проводить консультации с поляками, живущими как в Польше, так и за ее пределами? Может ли каждый из них консультироваться с тем, с кем сочтет нужным? Нужно ли вначале проконсультироваться с варшавской (бывшей люблинской) группой, а уж потом с представителями других польских групп? Нужно ли настаивать на новых выборах и, если да, надо ли принимать во внимание ее возражения? Но более важным, чем эти процедурные вопросы, был вопрос, насколько полную реорганизацию должна провести эта комиссия из трех человек, учитывая расплывчатость ялтинской формулировки. Должно ли существующее временное правительство, признанное Москвой, стать «ядром», «базой», «основой» нового правительства, в которое лишь войдут новые члены, которых оно и поглотит?

Или следует провести более широкое перераспределение должностей между

членами существующего временного правительства и представителями других политических партий и групп?

Кто теперь будет раскапывать историю запутанных и трудных споров по каждому из этих вопросов, которые не прекращались в комиссии? События не ждали их результатов: Красная армия все глубже вторгалась в Европу, передавая власть на освобожденных территориях тем правительствам, которые признавала Москва.

Молотов был настроен в высшей мере жестко и коварно. Черчилль с Кларком Керром негодовали из-за провала своих стараний объяснить советскому правительству озабоченность британцев перспективой того, что поляки не будут хозяевами в своем доме. По возвращении из Ялты Черчилль заявил в палате общин: «Соглашение обеспечивает консультации с целью создания в Польше *нового* польского правительства национального единства... Правительство его величества намерено сделать все от него зависящее, чтобы гарантировать... представителям всех демократических партий Польши полную свободу волеизъявления».

Палата общин была разочарована таким результатом. Гарриман в разговоре с президентом признал, что Ялтинское соглашение предполагало ведущую роль варшавской группы, как в консультациях, так и в реформировании правительства. Но у американцев тоже возникло подозрение, что Москва искажает достигнутый в Ялте компромисс. Она не позволит сформировать правительство, не подчиненное ее воле; на самом деле она хочет, чтобы Польша была лишь охранным щитом Советского Союза, покорным его воле. Для достижения своей цели советское правительство, похоже, было готово игнорировать мнение Запада, рискнуть разрывом соглашения о совместном контроле над Германией и даже, вероятно, отмежеваться от новой коллективной системы безопасности, которая должна быть сформирована из стран антигитлеровской коалиции. Американцы были встревожены и подавлены.

Достаточно проиллюстрировать основные спорные вопросы и настроения при их обсуждении несколькими примерами из переписки.

Комиссия (Молотов, Гарриман, Кларк Керр) после многочасового обсуждения 23 февраля даже не смогла прийти к соглашению, кого из поляков следует пригласить в Москву для консультаций. Молотов настаивал, что в первую очередь должны быть приглашены члены временного правительства, признанного Москвой. Более того, он требовал, чтобы все кандидатуры предполагаемых членов правительства, живущих как в Польше, так и за ее пределами, одобрялись и этой группой членов временного правительства, и советским правительством. Всех, кто не входил в их круг, они считали недемократами, политическими ничтожествами и выжившими из ума стариками. Гарриман с Кларком Керром тщетно возражали, заявляя: «Комиссия должна свободно выбирать подходящие кандидатуры, а она, со своей стороны, не будет возражать против любого предложения со стороны господина Берута, председателя временного правительства». Молотов на словах не отрицал такого права комиссии, но на деле показывал, что это право ничего не значит. Превыше всего интересы Москвы и варшавской группы!

Стычки по поводу того, кого из поляков приглашать в Москву, длились неделями. Британское и американское правительства не без сожаления констатировали факт, что большая часть поляков, поддерживавших правительство в изгнании, после отставки Миколайчика опустили руки, как и отважные командиры, возглавлявшие борьбу поляков, такие, как генерал Андерс. Они лишь жестко высказывались против всех Ялтинских соглашений по Польше и не скрывали недоверия к Советскому Союзу. Однако британцы и американцы по-прежнему считали и существенным и справедливым, чтобы некоторые бывшие члены правительства в изгнании и лидеры демократических партий были приглашены для консультаций в Москву. В частности, они считали желательным присутствие Миколайчика, пользовавшегося авторитетом и уважением среди польских

солдат, сражавшихся с фашистами, среди поляков, живущих за границей, а также у британцев и американцев. Но варшавская группа возражала против приезда Миколайчика даже на консультацию, обосновывая это тем, что он высказывался против Ялтинских соглашений.

Одной из главных причин недовольства британцев и американцев во время этих дебатов было отсутствие у них информации о событиях в Польше и истинных намерениях польского народа. До сих пор советское правительство не допускало в Польшу американских и британских представителей, как военных, так и гражданских, на том основании, что Польша является зоной активных боевых действий. Во время второго заседания комиссии 27 февраля Молотов неожиданно намекнул, что американцы и британцы могут направить в Польшу своих представителей, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой и настроениями в народе.

Когда два дня спустя (1 марта) Кларк Керр сообщил Молотову, что его правительство предлагает направить в Польшу наблюдателей, он понял, что намек Молотова был лишь хитростью, чтобы заставить британское и американское правительства как о милости попросить об этом варшавское правительство. Конечно, Молотов не сказал об этом напрямик. Он сказал, что комиссия должна учесть гордость поляков и позволить им самим рассмотреть это предложение, так как они хозяева в собственной стране. Когда было сделано повторное предложение, в ответе Молотова Гарриману и Кларку Керру 22 марта звучало негодование: предложение, говорилось в нем, «...может задеть национальную гордость поляков, и в любом случае американскому и британскому правительствам следует обращаться с подобными предложениями к действующему правительству в Варшаве».

Тогда президент и Черчилль попытались получить согласие Сталина на посещение Польши американским и британским членами комиссии или представителями штабов. Черчилль в своих обращениях к Сталину протестовал против завесы секретности, опущенной на польскую сцену. Сталин ответил, что поляки в Варшаве считают это оскорблением их национального достоинства. Кроме того, добавил он, они считают британское правительство недружественным. Представители более дружественных государств, таких, как чешское или югославское, в страну допущены.

В послании Рузвельту от 13 марта Черчилль сделал вывод, что они присутствовали при «...великом провале и полном поражении Ялтинских соглашений».

Страхи Черчилля перед намерениями русских были обострены недавними событиями в Румынии. Он уговаривал Рузвельта присоединиться к нему в послании, которое могло бы заставить Сталина понять, как серьезно они относятся к происходящему.

Рузвельту очень не хотелось еще глубже втягиваться в польский вопрос и лично обговаривать его со Сталиным, поэтому в ответе Черчиллю от 16 марта он посоветовал проявить терпение и изобретательность, чтобы переговоры в Москве состоялись. Полагаю, президент считал своей самой полезной ролью миссию посредника между советским и британским правительствами.

По-прежнему колеблясь по поводу предложения Черчилля о совместном обращении к Сталину, Рузвельт узнал, что Молотова не собираются посылать на конференцию в Сан-Франциско. Он тотчас же (24 марта) попросил Сталина дать ему возможность приехать, хотя бы на жизненно важные первые заседания. Президент мотивировал свою просьбу тем, что боится, как бы весь мир не истолковал отсутствие советского министра как протест или несогласие. Сталин 27 марта ответил, что в апреле пребывание Молотова в Москве совершенно необходимо для других официальных дел. Он заметил, что президент понимает, что любое истолкование отсутствия Молотова на конференции не может повлиять на ее решения. Это проявление отчужденности все больше тревожило президента, так как в эти же последние дни марта, как будет сказано далее, Сталин почти

смеялся над сообщениями американцев и британцев о секретных переговорах в Швейцарии о возможной капитуляции немцев в Италии и обвинял их в обмане.

Наконец в конце месяца президент неохотно согласился, что настало время напрямую обговорить со Сталиным более широкие аспекты позиции Советского Союза, особенно по отношению к Польше. Он передал на рассмотрение Черчиллю текст послания, которое собирался отправить Сталину.

Черчилль одобрил послание и подписал его, хотя не считал, что оно полностью соответствует его точке зрения. Рузвельт отослал документ с некоторыми дополнениями 1 апреля. Начался обмен мнениями, продолжавшийся до смерти Рузвельта и подхваченный Трумэн. Он длился и после капитуляции Германии, но дело не продвинулось ни на шаг.

На следующий день, 2 апреля, комиссия собралась снова. Вернувшись с совещания, Гарриман мрачно доложил в Вашингтон, что не принято ни одного решения. Молотов, добавил он, «был сегодня гораздо более тверд, чем когда-либо, в своем противостоянии Миколайчику, и все более открыто настаивал, чтобы мы в основном принимали во внимание мнение варшавских поляков, так как это действующее правительство, которое подлежит реорганизации в соответствии с крымскими решениями. Полагаю, – продолжал посол, – мы находимся на грани развала, если ответ Сталина вам и премьер-министру не подскажет какой-нибудь выход из создавшегося положения». Вероятно, надежда посла была вызвана тем, что в тот же день Сталин выразил удовлетворение планами кампании на Западе, о которых с ним советовался Эйзенхауэр. Но об этом будет сказано ниже.

Ответ Сталина Рузвельту от 7 апреля начинался решительным утверждением, с которым спорить было невозможно: «Дела с польским вопросом действительно зашли в тупик». Причина этого, продолжал Сталин, в том, что британцы и американцы отступают от принципов Ялтинского соглашения, согласно которому существующее временное правительство Польши должно стать «ядром» нового. Послы же пытаются ликвидировать его и сформировать совершенно новое правительство. Выразив свою точку зрения, Сталин внес предложение, по сути совпадающее с предложениями Молотова, но в заключение добавил новую, специфическую мысль: «Что касается численного соотношения старых и новых министров в формируемом польском правительстве национального единства, оно может быть приблизительно таким же, как в уже созданном правительстве Югославии». Напомним, что из двадцати семи высших постов в новом правительстве Югославии двадцать одно место занимали Тито и его сторонники и только шесть представители других групп и партий. Это меньшинство не обладало ни влиянием, ни властью, чтобы защищать своих избирателей.

Отдавая дань памяти Рузвельта, Сталин уступил требованию Гарримана и направил Молотова в Сан-Франциско. Тем самым была снята угроза раскола стран антигитлеровской коалиции, если польский вопрос не будет решен в пользу Советского Союза. Он даже согласился, что в Соединенных Штатах Молотов сможет обсудить «польский тупик».

Черчилль давно уговаривал Рузвельта сделать публичное заявление о проблемах с русскими, особенно по польскому вопросу. Новому президенту пришлось решать этот вопрос на второй день пребывания в должности. В нынешних обстоятельствах такое заявление могло означать только признание в провале собственной политики, виноваты в котором были бы русские. Трумэн боялся, что реакция Советского Союза может навредить перспективам конференции в Сан-Франциско и расстроить военное сотрудничество. Поэтому 13 апреля он сообщил Черчиллю, что, не забывая об опасности промедления, которое будет способствовать консолидации люблинской группы, он все же считает, что, прежде чем предпринять столь решительный шаг, следует изучить любую возможность. Он предложил показать Сталину совместную программу действий относительно Польши. набросок, над которым усердно и с желанием найти приемлемое решение работал Государственный департамент, был направлен на согласование Черчиллю.

Пока в текст вносились поправки Идена, считавшего, что в предложении американцев слишком много уступок России, Черчилль изо всех сил старался уговорить Миколайчика сделать публичное заявление, что он принимает крымские решения по Польше и считает чрезвычайно важной тесную и продолжительную дружбу с Россией. Получив это заявление, Сталин приветствовал его, как «огромный шаг вперед», но добавил, что был бы рад услышать от Миколайчика, «принимает ли тот решение крымской конференции относительно восточных границ Польши».

Миколайчик согласился и с этим, подписав тем самым свою окончательную капитуляцию, а Черчилль быстро сообщил об этом Трумэну и Сталину.

Совместное обращение (представленное 18 апреля) было самым серьезным усилием развеять «совершенно ошибочный» взгляд Сталина на позицию американцев и британцев. Черчилль и Трумэн уверяли Сталина, что никоим образом не стремятся ни игнорировать варшавское правительство, ни отрицать важность формирования нового правительства, но не могут согласиться с тем, что оно имеет право запретить кандидатам других польских групп участвовать в консультациях. Их единственная цель – создать наиболее полное и подлинно представительное правительство. Они стремятся к тому, чтобы комиссия добилась успеха, и предлагают подробный план, который поможет это сделать. Так как Сталин часто отвечал молчанием в знак согласия, они заявили, что до проведения консультаций с польскими лидерами не могут взять на себя ответственность за формирование нового правительства, но в любом случае не считают уместным распространять югославский пример на Польшу.

Ни просьба, ни предложение не привели ни к какому результату. Вместо этого поступили сообщения, подтверждающие то, о чем Вышинский официально уведомил Гарримана несколько дней назад: советское правительство собирается заключить с варшавским правительством соглашение о взаимопомощи. Гарриман предупреждал его, что этот акт будет воспринят как знак того, что Россия не намерена выполнять Ялтинское соглашение. Государственный департамент дал американскому посольству в Москве указание протестовать и просить отложить решение до тех пор, пока вопрос не будет обсужден с Молотовым, который через несколько дней должен был прибыть в Соединенные Штаты. Британское министерство иностранных дел отправило такую же инструкцию. Протесты были оставлены без внимания. Пока Молотов находился в пути, договор был подписан и опубликован в тот день, когда он прибыл в Соединенные Штаты (22 апреля). Президент Трумэн, рассказывая в своих мемуарах об этом эпизоде, вспоминал: «...я решил поговорить с Молотовым начистоту».

На американском берегу Атлантики Молотов остался таким же, каким был и в Москве. В своих долгих беседах со Стеттиниусом и Иденом 22 и 23 апреля он не принес никаких извинений и защищал каждый бастион и аванпост советской интерпретации Ялтинского соглашения. Отвечая на жалобу, что советское правительство, ни с кем не посоветовавшись, только что подписало с временным правительством Польши договор о взаимопомощи, он утверждал, что это естественно и необходимо в рамках завершения войны против Германии. Абсурдно, добавил он, полагать, что какое-либо реорганизованное правительство откажется от этого договора.

Тогда президент Трумэн решил сам сдвинуть дело с мертвой точки. Но единственным удовольствием, которое он получил от беседы с Молотовым, было удовольствие от его грубоватой речи. В конце обмена мнениями, во время которого Молотов утверждал, что единственным препятствием к спокойному урегулированию польского вопроса является наше неприятие югославской формулы, президент, как он позже рассказывал, ответил: «...соглашение по Польше заключено, и требуется только, чтобы советское правительство его выполняло».

Президент утверждал, что стремится к дружбе с Россией, но хочет, чтобы все ясно понимали, что эта дружба может быть основана только на взаимном соблюдении

соглашений, а не на «одностороннем движении». Молотов, если Трумэну не изменяет память, ответил только: «Со мной еще никогда в жизни так не говорили». Отчет Молотова Сталину об этой беседе не был опубликован. Во время их беседы 23 апреля Трумэн попросил его передать Сталину еще одно послание. Это подтверждало, что американское и британское правительства относятся к Ялтинским соглашениям очень серьезно.

Молотов уехал из Вашингтона в Сан-Франциско, договорившись, что после того, как поступят какие-либо известия от Сталина, переговоры возобновятся. Когда 25 апреля пришел ответ от советского лидера, не осталось ни малейшего сомнения в том, что он не сдастся. В самом деле, отвергая британско-американское предложение каждым своим предыдущим заявлением, он усугубил конфликт, сказав, что, хотя он не знает, «действительно ли влиятельны» правительства Греции и Бельгии, он не вмешивается, потому что признает значение этих стран для безопасности Великобритании и, естественно, ждет такой же снисходительности по отношению к Польше. В заключение он заявил, что британское и американское правительства ставят СССР в «...невыносимое положение, пытаясь диктовать ему свои требования». Он видел только один путь выхода из этой ситуации: «действовать в Польше так же, как в Югославии».

Ни последующие просьбы Черчилля и Трумэна, ни попытки доказать Молотову в Сан-Франциско, как важно для послевоенного сотрудничества достижение взаимоприемлемого соглашения по польскому вопросу, не заставили Сталина изменить свою позицию. Сталин не был удивлен серьезным комментарием, которым Черчилль закончил свое последнее главное послание по этому вопросу от 29 апреля: «Не особенно утешительно заглядывать в будущее, когда Вы и страны, в которых Вы господствуете, плюс коммунистические партии во многих других государствах выстраиваются все по одну сторону, а те, кто объединяется вокруг народов, говорящих по-английски, и их союзников или доминионов, – по другую сторону. Вполне очевидно, что ссора между ними раздирает бы мир на части и что все мы, руководители каждой из сторон, которым приходилось иметь к этому какое-либо отношение, были бы посрамлены перед историей».

Но Сталина это не волновало; коммунистические лидеры, пока они живы, пишут историю так, как они хотят; от своих последователей они ожидают того же.

С каждым днем становилось все яснее, что варшавское правительство не может быть смещено и не может отвернуться от Москвы. Советское Верховное Командование передало ему власть не только на тех землях, которые принадлежали Польше до войны, но также и на бывших немецких территориях, оказавшихся в русской зоне оккупации, включая Данциг и округа в Силезии. Когда советское правительство впервые спросили об этом, оно 2 апреля сообщило свою точку зрения, согласно которой такая передача не идет вразрез с соглашениями об оккупации и контроле над Германией, «...поскольку ни в вышеупомянутых соглашениях, ни в решениях крымской конференции не затронут вопрос о власти на оккупированной немецкой территории». Далее советское правительство заявило, что этот шаг не может быть связан или отождествлен с будущими границами Польши. Это утверждение было почти наверняка ложным. Премьер-министр Польши 31 марта по радио заявил: «Кроме Гданьска [Данцига] мы получили назад Мазурские земли, Нижнюю и Верхнюю Силезию, и недалек тот час, когда польские границы будут восстановлены на Нейсе, Одере и балтийских берегах». Польская пресса точно так же истолковала этот акт, рассказывая о нем в таких статьях, как «Вся Силезия присоединяется к Польше», «Вся Силезия возвращается родине». Каковы бы ни были намерения и цели, эта территория, а потом и Восточная Пруссия (за исключением той части, которую Советский Союз оставил для себя) вошли в состав Польши. Варшавское правительство начало выселять оттуда оставшихся немцев, чтобы дать там кров польским поселенцам и распределить огромные поместья среди мелких фермеров.

Потом советские спецслужбы в Польше выманили из убежищ оставшихся лидеров польской подпольной армии, связанных с лондонским правительством в изгнании и

политическими партиями, из которых состояло лондонское правительство. Несмотря на гарантию личной безопасности, эти шестнадцать человек были арестованы и содержались под арестом в течение многих недель, а советское правительство отрицало, что знает их местонахождение. По настоянию британцев и американцев и из-за распространявшихся слухов узникам наконец было предъявлено обвинение в «диверсионных актах в тылу Красной армии», в терроризме и шпионаже. Спасти их от тюрьмы, где они не представляли бы угрозы для варшавских властей, не удалось. «Только таким способом, – решительно заявил Сталин Черчиллю 5 мая, – Красная армия может защитить свои войска и тыл от диверсантов и нарушителей порядка».

Таким образом, когда 7 мая Германия подписала свою официальную капитуляцию, в коалиции еще наблюдались некоторые разногласия по поводу Польши. Американское и британское правительства отказывались признавать варшавское правительство, за которым стояла Москва, и иметь с ним дело. Это было одним из отчуждающих разногласий, которое заставило президента Трумэна послать в Москву Гопкинса, чтобы выяснить, остаются ли в силе предыдущие соглашения с Россией и сможет ли коалиция, созданная для военной цели, продолжать жить и служить делу мира.